

ВРЕМЕНА. ПРАВЫ. ХАРАКТЕРЫ

DOI: 10.31857/S023620070012393-9

©2020 А.В. РУБЦОВ

МИЛЛЕНИАЛЫ ЭПОХИ POSTMODERN СМОЖЕТ ЛИ НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ ИЗМЕНИТЬ МИР

Рубцов Александр Вадимович — руководитель сектора философских исследований идеологических процессов.

Институт Философии РАН.

Российская Федерация, 109240 Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Электронная почта: roubcov@inbox.ru

Аннотация: В последнее время все большее внимание привлекает к себе поколение миллениалов — тех, кто родился в преддверии миллениума и в ближайшее время должен якобы стройными рядами войти в активную политику на самых разных ее иерархических уровнях. Смогут ли миллениалы изменить этот мир — вопрос неоднозначный. В частности, он является темой одного из проектов международного экспертного сообщества «Европейский диалог». В таких исследованиях обычно реализуются две априорные установки: а) имеются в виду изменения к лучшему на основе позитивных качеств поколения миллениалов; б) о таких изменениях и перспективах можно говорить как об универсальных тенденциях, реализуемых «поверх» различий политических культур и режимов. Наш текст позволяет себе в этом усомниться. Миллениалы идут в активную политику двумя колоннами, одна из которых является носителем все той же политической и социально-экономической реакции, «ценностей» политического цинизма и карьеризма, диктата и давления. К чему это может привести, можно понять, только рассмотрев процесс в процессе — движение этих групп на более общей и тоже движущейся цивилизационной платформе постмодерна. При этом «миллениалов эпохи postmodern» необходимо рассматривать, имея в виду две понятийные схемы: «постсовременность – постмодерн – постмодернизм» и «Модерн – постмодернизм – пост-постмодернизм».

поколение Y, поколение Z (зумеры) и т.д.: границы всех терминов достаточно расплывчаты и условны» [9]. Если же кто-то с понятием «миллениалы» не знаком вовсе, то слишком многое зависит от словарной статьи, на какую начинающий попадет в интернете.

В социогуманитарной сфере, в отличие от физики, прихотливо движется и сам внешний наблюдатель. Специальная рефлексия обязана отслеживать особенности нашей методологической и собственно политической установки. В высказываниях о том или ином социальном явлении всегда важно знать, «кто говорит» и «из какого места» он это делает. У фрондирующего либерала из России или несколько «розоватого» (как водится) интеллектуала с Запада могут быть существенно разные надежды на миллениалов — при всей искренности деклараций о политической беспристрастности и научной добросовестности ученых. Передвигаться по движущейся платформе социальному наблюдателю в идеале надо бы еще и с большим зеркалом.

Что же касается самой платформы постмодерна, то кажется, что это несколько понятнее: хотя бы слово более на слуху. Но и это лишь на первый взгляд, особенно когда речь идет не об искусстве и эстетике (в которых, конечно же, разбираются все), а о социально-политических аспектах проекта и стиля. Много слышавших...

Миллениалы и постмодерн

В связке идеологии и сознания миллениалов с духом постмодерна пока видны лишь отдельные заходы — через «цифру», «постиронию» и т.п. Здесь особенно сказываются проблемы языка, в том числе неразличения понятий (и явлений) постмодернизма и постмодерна. «Миллениалы также могут понимать и даже использовать иронию (...) Более того, миллениалы проповедуют и самоиронию, часто обыгрывая поколенческие споры (...) Сами миллениалы все больше начинают искать в культуре простоту, искренность, и именно они объявляют, что место постмодернизма заняло что-то другое (...) Таким образом, постирония — сложное понятие, которое не отрицает иронию, но также предлагает смотреть на мир не безразлично, но серьезно, хотя и в некоторых — определенных — отношениях. В отличие от “цинизма, который отталкивает зрителей от участия в политической деятельности “поколения X” (С. Гренинг), миллениалы сегодня не прочь встать с дивана и заявить о своей политической позиции, воспринимая ее всерьез и не относясь к ней наплевательски» [2].

Попытки уйти от лобовых упрощений в понимании отношения миллениалов к иронии и пост-иронии оправданны, но и

А.В. Рубцов
Миллениалы эпохи postmodern.
Сможет ли новое поколение изменить мир

Чем-то это напоминает историю с «глобальным кризисом либерализма», сплошь и рядом не учитывающую совершенно разные масштабы, основания и перспективы таких интенций, например, в Америке, восточной Европе или нынешней России. Без учета этих различий упования нового этатизма на повышение роли государства методологически ошибочны и политически опасны [6]. Так, если активизация государства в сфере здравоохранения и «фармы» где-то и дает реальные результаты, то в России именно новейшая государственная экспансия разрушает остатки советской медицины ее централизованной «оптимизацией». Заодно то же государство экспериментами корыстного импортозамещения лекарственных средств убивает (в буквальном смысле слова) множество ни в чем не повинных людей.

В постсовременной оптике нет «государства вообще», но есть очень разные государства США, РФ, Германии, Эмиратов, Японии и Вануату. То же с миллениалами, о которых уже можно говорить только в режиме детального различения. Иначе врагов легко записывают в один лагерь исключительно по возрастному признаку, по датам рождения.

И, наконец, наблюдатель, разглядывающий все эти игры с движущимися объектами и платформами. В нем самом обнаруживаются окрашивающие анализ весьма субъективные и ситуативные ожидания. Внешне все выглядит как фиксация эмпирических наблюдений с нормальной проектной составляющей [9]. Таковы новые черты поколения миллениалов и ожидаемые сдвиги [1]. Миллениалам в этом дивном новом мире есть достойное и даже лидирующее место. Однако опыт не духоподъемной проекции, а реальных контактов с мировым и локальным злом показывает, что в том же поколении миллениалов уже вызрела и активно прибирает все к рукам совсем другая фракция — циников и карьеристов, адептов силового давления, идеологической эклектики и экстремального политического постмодернизма. Сюда же относится весь актив «универсального менеджмента», владеющего методологией оптимизации всего, что движется, но при этом совершенно не разбирающегося в сути предметов управления. Эти люди уже давно оторвались от дивана и ведут себя по отношению к собственным интересам далеко не наплевательски — на горе всем нам.

Чтобы разобрать этот запутанный сросток, необходимо отказать от линейной модели перехода в последовательности «модерн — постмодерн — пост-постмодерн» и сориентироваться в дифференциации нетождественных понятий (и явлений) постмодернизма, постмодерна и постсовременности (postmodernism, postmodern, postmodernity).

А.В. Рубцов
Миллениалы эпохи postmodern.
Сможет ли новое поколение изменить мир

и генерализации являются типичным порождением Модерна, его неизжитых структур сознания и бессознательного. В постсовременной культуре и в языке постмодерна они совершенно некорректны. Уже с конца позапрошлого и начала прошлого века в философии, в социо-гуманитарных науках, включая культурологию, этнологию и антропологию, такие понятия, как «цивилизация», «культура» с гораздо большей осторожностью используются в единственном числе — даже рабочем обиходе. Подобно известной фразе «люблю родительного падежа», теперь с особо рода неклассическим лоском используется именно множественное число: «цивилизации», «культуры»... Если Модерн был эпохой времени, процессов и развития, то постмодерн становится эпохой пространства, то есть не восходящего движения от дикости и варварства «к цивилизации», но синхронным сосуществованием в целом равноправных, равноценных цивилизаций и культур.

В слишком сильных генерализациях, таких как «глобальный мир», «будущее», «миллениалы» и т.п., мы автоматически (хотя чаще всего бессознательно) полагаем, что за всеми этими понятиями скрываются определенные сущности и эти сущности однозначны. Что вовсе не очевидно. В медицине это называется «дифференциальная диагностика»: наряду с понятием «грипп вообще» принципиально важны его разновидности — птичий, свиной, испанский и т.п. По мере того как в социально-политической, цивилизационной и культурной реальности такие дифференциальные признаки приобретают все большее значение, мы в идеале должны были бы уподобиться северным народностям, у которых нет общих понятий льда и снега, зато поименованы десятки конкретных разновидностей этих агрегатных состояний. Говорят, у монголов нет общего понятия «лошадь». Но как только мы начинаем более предметно разбираться с различиями «государств» и «миллениалов», выводы могут оказываться прямо противоположными. Таково мировоззрение постмодерна — не измышления постнеклассических философов, а вынужденная мера в условиях «дробящейся глобализации».

Новое поколение в триаде «postmodernism, postmodern, postmodernity»

В нашем государствообразующем наречии эта триада звучит как постмодернизм, постмодерн, постсовременность. Эти термины также почти всегда используются в рамках одной генерализации, как синонимы, хотя лучше было бы доверять естественному

А.В. Рубцов
Миллениалы эпохи postmodern.
Сможет ли новое поколение изменить мир

возникает культура постмодерна. Любое другое «человечество» не смогло бы остаться прежним после тотальной архитектуры Бразилиа или Тольятти, после советских массовых чисток или Освенцима, после удушающей дидактики, запланированности и дисциплины во всем, что связано с практиками повседневности. Испытав на себе в жизни, а не в умозрительной ренессансной утопии, все прелести тотальной организации, человечество во второй половине прошлого века пришло к резкой переоценке ценностей: от жесткого порядка к случайности и самоорганизации, от «совершенства» к прелестям странного и случайного, от политики и архитектуры проекта к спонтанному средо- и формообразованию, от жестко выстроенной гармонии и единства большого стиля к свободной эклектике, легко сочетающей то, что раньше считалось вообще не совместимым.

В этой системе взглядов и иерархии ценностей Замоскворечье или Ситэ располагаются не ниже Версаля и шедевров Шпеера. Но эту переоценку люди испытывают и на себе — в самом буквальном смысле. До известного момента (как раз перед появлением на свет поколения миллениалов) никто и в страшном сне не мог себе представить, что практически все вдруг переоденутся из брюк с манжетами и стрелками в линялые джинсы и штаны-карго с карманами как у рюкзака. Это уже совершенно другой мир, в котором свободно перемешаны дресс-коды и стили, национальные кухни, разные музыки и архитектуры, системы мировоззрений и образования, чтения и письма, лечения и досуга, бизнеса и философствования...

Однако этот мир осмысленно или бессознательно принят практически всеми, в том числе теми, кто слово постмодерн не выносит или не выговаривает. Он принят в том числе самыми разными поколениями — за исключением, возможно, отдельных групп, для которых одежда все еще должна быть выглаженной, а мировоззрение и поведение отглаженным. Даже адепты политического порядка и бытовой дисциплины сами себе во всем этом изменяют незаметно для самих себя, но регулярно. В этом плане даже косящий под манекена с витрины младший Бондарчук — не более чем искусственная стилизация, контрастирующая в общей помятой эклектике, а вовсе не вера в ригоризм стиля и очень хорошего вкуса.

Партия постмодернизма

Миллениалы здесь особенны лишь тем, что пришли в этот мир, когда он уже успел стать таким. В отличие от предыдущих поколений, они знают об эпохах большого стиля и категоричного

А.В. Рубцов
Миллениалы эпохи postmodern.
Сможет ли новое поколение изменить мир

Новое поколение в триаде «Модерн – постмодерн – пост-постмодерн». Размерность эпохи

Жанр эссе отличается от диссертации или академической статьи хотя бы тем, что не требует доскональной проработки понятий уже на старте. Но потом все же приходится разбираться со всем, что поначалу казалось интуитивно понятным. Так ответ на вопрос: «Смогут ли миллениалы изменить свою эпоху», зависит от того, насколько сама эпоха расположена в этот момент меняться, и если да, то в каком направлении. Что именно мы имеем в виду, говоря об «эпохе»? О каких масштабах бедствия идет речь? Поскольку эпохальность в разных измерениях, важно понимать, на изменения какой размерности накладывается в ближайшем будущем столь ожидаемый приход миллениалов в активную политику. С чем будет связан этот приход в уже предзаданной обстановке? С «эпохальной» сменой персоналий — конкретных вождей и лидеров, замучивших историю неопределенной ролью своих личностей? С изменением стратегий, концепций и самой философии внешней и внутренней политики ведущих государств? С проседанием набившего оскомину типажа лидеров и подъемом вчерашних маргиналов?

Это все, конечно, крупные заходы на проблему, но все же и они вписываются в обычную оптику зрения, с нормальными историческими «диоптриями». Вместе с тем нельзя исключать, что сейчас это может быть гораздо более масштабный перелом эпох, соразмерный, например, выходу из Средневековья в Новое время или исходу Высокого Модерна в постмодерн конца прошлого — начала нынешнего столетия. Считается, что «большое видится на расстоянии», что для понимания таких процессов необходима определенная временная дистанция. Но никто не мешает организовать такую дистанцию в теоретическом рассуждении и мысленном эксперименте. И тогда для нас сейчас вырисовывается очередное и гораздо более масштабное распустье: между новым Просвещением или подобием старого Средневековья. Что это будет: регресс в старый прогрессизм или же прорыв в тоже по-своему благодное состояние пре-Модерна? Надо признать, что такая альтернатива уже присутствует как идеологическая: намеками в артикуляции и сильным движением в общей интенции.

В этом последнем рассуждении оценочные эпитеты не случайно сдвинуты в сравнении с их обычной привязкой. Человеку нашего времени более привычно говорить, наоборот, о «прорыве» в Новое время или «срыве» в мрачное Средневековье. Но само это противопоставление предзаданных оценок, во-первых, является

А.В. Рубцов
Миллениалы эпохи postmodern.
Сможет ли новое поколение изменить мир

Модерна, то и новейшие тенденции движения к пост-постмодерну являются ответом на кризис постмодернизма. Однако миллениалы (как минимум, российские) попадают в гораздо более сложную и противоречивую коллизию. Ее острота заключается в крайне опасном гибридном сочетании — в сродке экстремального политического постмодернизма с остаточным Модерном, одновременно и не дореализованном в гуманизме и прочих лучших своих свойствах, но и неизжитом в античеловеческом негативе дирижизма и тотализации.

Говоря обобщенно, Модерн привнес в этот мир две главные супер-идеи и супер-ценности: Свободы и Порядка. Речь идет об индивидуальной свободе и разумном порядке. Суверенная личность, как цель истории, свободна от любой предзаданности — сословной, социальной, политической, идеологической, духовной, интеллектуальной. Независимый Разум все взвешивает на весах свободной критики и самокритики, но одновременно и разрабатывает формы правильного, точнее идеального, жизнеустройства. Свобода и Порядок реализуются одновременно как исследование и проект, как критика и модель. Это сложный баланс. Как только идея Свободы начинает преобладать над идеей Порядка, возникает избыточный революционаризм, как хроническая болезнь Нового времени. Но как только идея Порядка начинает преобладать над идеей Свободы, возникает тоталитаризм в разных своих форматах — как такое же законное, генетически обусловленное порождение Модерна, а точнее Высокого Модерна XX века.

Россия за всю свою многострадальную историю не смогла вытянуть в реализации идеи Свободы, ценностей права и закона, суверенитета лица и народа — хотя и пыталась. Но зато в советском тоталитаризме она воплотила идею революционно установленно-го тотального Порядка, согласного с рационально просчитанным мегапроектом. Примерно то же было в Германии, а потом и в целом ряде других стран, замахнувшихся на построение обществ всеобщего счастья. И все это было заложено уже в самих истоках Нового времени. В политике и политической мысли Ренессанс был фиксирован на всем идеальном: идеальный мир, идеальное общество, идеальный город, идеальная личность, идеальная жизнь — и в героической индивидуальной биографии, и как форма общесоциального сосуществования. Идеальная тюрьма Иеремии Бентама (Raportikum) не случайно даже графически, не говоря об организационной модели, мало чем отличается от проектов идеальных городов и поселений начала Возрождения. Мишель Фуко тем более увидел в этом «око власти» и почти универсальные дисциплинарные техники. В XX веке человечество в полной мере вынесло на себе последствия такого якобы только образного совпадения.

А.В. Рубцов
Миллениалы эпохи postmodern.
Сможет ли новое поколение изменить мир

моды. Но проблема в том, что с тех пор никто никуда не вышел и никакого выхода не нашел.

Когда говорят о грядущем приходе миллениалов, в этих контекстах слово «приход» имеет одновременно и наркотический, и почти церковный оттенок (скорее это ближе к понятию «светского прихода» из социологии и аналитики идеологических процессов). Но некоторая избыточная приподнятость этих надежд по-своему оправдана. В свое время Леви-Стросс сказал: «XX век будет веком гуманитарных наук, либо его не будет вовсе». Этот афоризм можно перефразировать: «Либо миллениалы найдут выход из разгула политического постмодернизма — либо они исчезнут как поколение, на которое возлагались такие эпохальные надежды».

Мы (по крайней мере в России) отчетливо выделяем нынешнюю (правящую) «возрастную» политическую элиту в достаточно определенном и, надо сказать, в не самом молодом возрасте только потому, что она и в самом деле такова демографически. Она явно занимается просеиванием новых кадровых поступлений, блокируя при этом относительную молодость, которая могла бы составить нелестный фон увядающей зрелости нынешнего политического руководства. В этом плане нельзя отрицать, что возрастной ценз существует и социально-политические лифты под контролем. Но кто сказал, что у входа в это элитное политическое пространство толпятся именно иначе настроенные, прогрессивные миллениалы, а не клоны теперешнего начальства, только моложе, а в ряде отношений, может быть, ничуть не лучше?

Здесь многое зависит от темперамента этноса и нации, от психоидеологии и политической психодинамики. Китайцы считают страшным наказанием жить в эпоху перемен и предпочитают сидеть на берегу реки в ожидании, когда мимо проплывает труп врага. Русским, наоборот, интереснее посещать «сей мир в его минуты роковые» и не в провинции у моря, а в самой гуще политических схваток. Такое впечатление, что с некоторых пор все изменилось до состояния «с точностью до наоборот». В этом плане от миллениалов ждут как минимум движения, последствия которого плохо предсказуемы, как и все в этом сверхновом мире.

Литература

1. Гонтмахер Е.Ш. Поколение миллениалов радикально изменит мир // Европейский диалог. 29.05.2020. URL: <https://www.eedialog.org/ru/2020/05/28/evgenij-gontmaher-millennialy-stanut-drajverom-politicheskikh-reform/>.

2. Павлов А. В. Дивный, новый «цифровой мир»: постирония как ценностная установка мировоззрения миллениалов // Горизонты гуманитарного знания. 2019. № 3. С. 16–31. URL: <https://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/10>.

А.В. Рубцов
Миллениалы эпохи postmodern.
Сможет ли новое поколение изменить мир

based on the simulation of freedom and natural spontaneity. The ideological trends of “New Enlightenment” and “New Middle Ages” are already tearing apart the fabric of the most active social consciousness. Resolution of this collision in the spirit of Super Modern Age may be a matter of survival for the country.

Keywords: millennials, political changes, Modern, postmodernity, postmodern, postmodernism, post-postmodernism.

For citation: Rubtsov A.V. Millennials of the postmodern Age. Will the New Generation Change the World // *Chelovek*. 2020. Vol. 31, N 5. P. 129–145. DOI: 10.31857/S023620070012393-9.

References

1. Gontmakher E.Sh. Pokolenie millenialov radikalno izmenit mir [Generation of Millennials Will Radically Change the World]. *Evropeiskii dialog* [European Dialogue]. 29.05.2020. URL: <http://www.eedialog.org/ru/2020/05/28/evgenij-gontmaher-millenialy-stantut-drajverom-politicheskikh-reform/>.
2. Pavlov A.V. Divnyi, novyi “tsifrovoi mir”: postironiya kak tsenostnaya ustanovka mirovozzreniya millenialov [A Brave, New “Digital World”: post-irony as a value setting of the worldview of millennials]. *Gorizonty gumanitarnogo znaniya* [Horizons of Humanitarian Knowledge]. 2019. N 3. P. 16–31. URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/10>.
3. Radaev V.V. *Millenialy: Kak menyaetsya rossiiskoe obshchestvo* [Millennials: how Russian society is changing]. Moscow: Izdatel'skii dom Visshey shkoly ekonomiki Publ., 2019.
4. Rorty R. *Sluchainost', ironiya i solidarnost'* [Contingency, Irony and Solidarity]. Moscow: Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo Publ., 1996.
5. Rubtsov A.V. Arkhitektonika postmoderna. Vremya [Architectonics of Postmodern]. *Voprosy Filosofii*. 2011. N 10. P. 37–47.
6. Rubtsov A.V. Gde zhivet liberalism [Where Liberalism Lives]. *Vedomosti*, 10.11.2019.
7. Rubtsov A.V. Do i posle postmoderna: na poroge sverkhnovogo vremeni [Before and After Postmodern: On the cusp of Super Modern Age]. *Politicheskaya kontseptologiya*. 2018. N 1. P. 143–157.
8. Rubtsov A.V. Poryadok v khaose: kak vyiti iz politicheskogo postmoderna [Order in Chaos: How to get out of the political postmodern]. *Forbes*. 26.02.2015.
9. Yudin G.B. Vychod iz milleniuma: zakhotyat li molodye pokinut' epohu, v kotoroi rodilis'? [Leaving the Millennials: Will the young want to leave the era in which they were born?]. *Evropeiskii dialog* [European Dialogue]. URL: <https://www.eedialog.org/ru/2020/05/21/vychod-iz-milleniuma-zahotjat-li-molodye-pokinut-jepohu-v-kotoroj-rodilis/>.
10. Yankelevich V. *Ironiya. Proshchenie* [Irony. Forgiveness]. Moscow: Respublika Publ., 2004.

А.В. Рубцов
Миллениалы эпохи postmodern.
СМОЖЕТ ЛИ НОВОЕ
ПОКОЛЕНИЕ ИЗМЕНИТЬ МИР